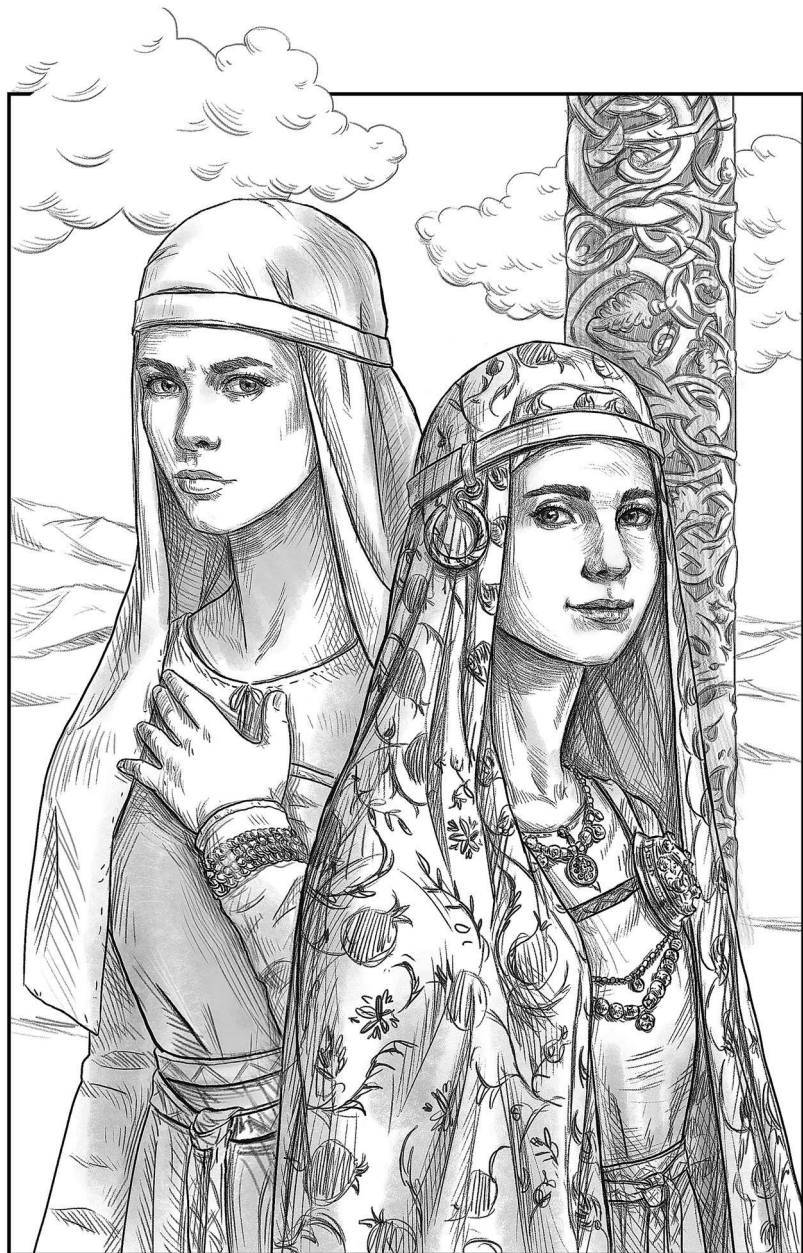

◆ ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ: ◆

- КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Невеста из чащи
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Наследница Вещего Олега
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Пламя Босфора
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Зимний престол
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Волки Карачуна
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Стрела разящая
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Огненные птицы
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Сокол над лесами
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Две жены для Святослава
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Львы Золотого царства
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Ключи судьбы
•
КНЯГИНЯ ОЛЬГА. Две зари
•
Гуннхильд, северная невеста
•
Венец Прямыславы
•
Тайна древлянской княгини
•
МАЛУША. За краем Окольного
•
МАЛУША. Пламя северных вод
•
ПРЕКРАСА. Дар берегини
•
ПРЕКРАСА. Последняя заря
•
СВЕНЕЛЬД. Зов валькирий
•
СВЕНЕЛЬД. Путь серебра

Елизавета Дворецкая

СВЕНЕЛЬД

ПУТЬ СЕРЕБРА

Москва 2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д24

Художественное оформление серии *Дмитрия Сазонова*

Иллюстрация на переплете *Нисмианы*

Дворецкая, Елизавета.
Д24 Свенельд. Путь серебра / Елизавета Дворецкая. — Москва : Эксмо, 2022. — 384 с. — (Исторические романы Елизаветы Дворецкой).

ISBN 978-5-04-165766-6

Весной 914 года объединенное войско русских земель возвращается из похода на Хазарское море и везет немалую добычу. Нарушив договор, конница хакан-бека нападает на них на стоянке близ Итиля, чем вынуждает в жестоких сражениях защищать свою добычу и саму жизнь. Но даже для тех, кто сумел уцелеть, трудности только начинаются. Южная часть войска под началом плеснецкого князя Амунда Ётуна пытается с боем прорваться привычным путем, через переволоку с Волги на Дон. Северному войску, которое возглавляют двое братьев из Хольмгарда, Свенельд и Годред, приходится уйти в другую сторону, в неизвестность. Чтобы вернуться домой, им предстоит найти совершенно новый путь на родину через владения незнакомых народов.

А дома Свенельда ждет Витислава — его юная супруга. Три года назад, когда он захватил дочь велиградского князя как военную добычу, ей было всего одиннадцать лет. Пока он был в заморском походе, она подросла и стала взрослой девушкой. Когда Свен вернется, им предстоит наконец по-настоящему узнать друг друга.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-165766-6

© Дворецкая Е., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Пролог

...Переходы никто не считал. Кормились мы по большей части рыбой; редко когда удавалось купить — или захватить — у местных что-то из скота и поесть мяса, но в Итиле часто попадались осетры в человеческий рост, так что мы почти не голодали. По вечерам у костров давились надоевшей вареной осетриной, потом хлебали юшку с диким чесноком. Мечтали, как вернемся домой. Мы сотворили свою сагу, мы везли такую добычу, о какой раньше и помыслить не могли, и это очень поддерживало наш дух. Ушедшие в поход лопухими отроками семнадцати лет теперь сидели в шелковых кафтанах и рассуждали: поставлю двор, скотину разведу, возьму самую лучшую невесту, которая там за эти два года подросла..

И только самые опытные, у которых уже не один такой поход был за спиной, говорили: ты сперва еще вернись..

* * *

Из темноты под звездами донесся звук рога, подавая знак к отходу. Потом еще раз.

— Волынцы уходят! — доложил отрок, вынырнув из тьмы. — Амунда самого видел. Он сказал, пешие налезли на них, да в небольшом числе, они отбились и отплывают.

Рог со стороны Амундова стана пропел в третий раз, подтверждая слова гонца. Звезды на небе теснились, будто любопытная толпа, желая поглядеть, как войско русов покидает негостеприимный берег хазарской реки Итиль.

— Тогда и нам пора! — решил Грим сын Хельги. — Отходим!

— Отходи-и-им! — прокричал, сложив ладони, Избыгневов сестрич Будила.

— Отходим... отходим! — понеслось дальше по темному берегу. — Лодьи на воду!

Совсем рядом подал голос собственный Гримов рог, рассылая тот же приказ. С Гримом оставалось еще с полтысячи человек: двести киевских русов, из которых отец, оставшийся дома князь Хельги, набрал для сына ближнюю дружину, а еще ратники из Чернигова, Киева, Любеча и всех десяти городков над Днепром, составляющих Полянскую землю. Дальше всех стояли сотня радимичей под началом княжьего сына Жизномира и северяне Мирогостя — они уже садились в свои лодьи, собираясь отплыть вслед за волынцами Амунда плеснецкого.

Понеслись голоса — десятские и сотские передавали распоряжения. Лодьи южного войска были готовы и стояли наполовину в воде, на длинной полосе песчаного плеса. Оставалось только столкнуть их и выйти на глубину. Сотни плохо различимых в темноте фигур двинулись к воде, звездный блеск играл на шлемах, оружии, умбонах щитов, закинутых за спины. Сильные руки уперлись в просмоленные борта, толкая нагруженные сарацинской добычей суда в воду Итиля. Эта добыча и была причиной того, что арсии из личной дружины хакан-бека Аарона нарушили уговор и вероломно напали на русский стан: забрав оговоренную половину шелков, серебра и прочего, хазары пожелали получить все. Месть за ограбленных единоверцев в Ширване и Табаристане, русы не сомневались, была для арсиев лишь предлогом.

Грим с его двумя варяжскими сотнями стоял над плесом, на возвышенной части берега. От воды его отделял небольшой пологий склон и около ста шагов по песку. Часть ратников уже отплыли — ушли радимичи, северяне и черниговцы, начали отходить поляне. Грим с ближней дружиной оставался на месте, спиной к воде, вглядываясь в темную степь, откуда уже дважды на стан обрушивался удар. Он будет здесь стоять, пока последний отрок из южного русского войска, вслед за северным войском Олава и западным — Амунда, не уйдет с этого проклятого берега, где они два дня и две ночи

вели бой с конницей хакан-бека и ополчением Итиля. Он, Грим, — верховный вождь трех объединенных войск, что два лета и две зимы пробыли на Хазарском море и добыли немалые богатства. В соперничестве с Амундом плеснецким, тоже князем, к тому же более старшим и опытным, Грим получил право на главный стяг и за время похода доказал, что выбор был оправдан. Пусть ему всего лишь двадцать лет, но с ним послал свою удачу его прославленный отец, Хельги Хитрый, среди славян почтительно именуемый Олегом Вещим.

Раздавались голоса, скрип дерева, плеск воды. Прислушиваясь к этому шуму, Грим не сразу осознал, что слышит и другие звуки — совсем с другой стороны, не там, где осталось отброшенное Амундом пешее ополчение Итиля..

Возможного натиска русы ждали, как и прежде, из степи. Но Газир-бек, вожак арсиев, заметил, что сейчас, после двух малоуспешных сражений, для его поредевшего войска открывается другой путь, способный наконец привести к желанной цели. Пока дружина волынцев отбивала натиск пешей рати, арсии, обмотав тряпками и войлоком копыта коней, под прикрытием темноты приблизились к русскому стану с другой стороны — там, где стояли киевские русы и днем вился главный стяг с золотым змеем на красном поле. Там, где в лодьях была собрана самая лучшая, самая дорогостоящая добыча, взятая ближней дружиной русского вождя. Кияне, отвлеченные шумом пешего сражения, не заметили, как конница подобралась к ним по плесу вдоль самой воды.

Боевых кличей в этот раз не прозвучало. Из темноты вдруг посыпались стрелы, и едва русы успели осознать, с какой стороны нагрянула беда, как конница железным кулаком обрушилась на столпившихся у воды ратников, не готовых к отпору. Длинные пики в руках всадников с разгону пробивали тела насквозь, даже те, что в кольчугах. Тяжелые копыта сшибали на песок и топтали без жалости. Грим со своей дружиной стоял на берегу выше, а здесь отразить натиск оказалось некому.

Только услышав отчаянные крики, предсмертные вопли и прочий шум жестокого побоища внизу, под склоном, у самой воды, Грим понял, что случилось: конница отрезала его от лодий и избивает ратников.

— В кли-и-ин! — заорал рядом с ним Фредульв, сотский киевских варягов.

Но послушали его лишь хирдманы Грима. Ратники, от ужаса потеряв голову, в беспорядке кинулись к воде, искали спасения на лодьях. Их, бегущих вразнобой, рубили с седел заповившие береговую полосу всадники.

— Рагне! — отчаянно закричал Грим, призывая трубача. — Труби! Подмогу!

Еще можно было вернуть Амунда плеснецкого с его дружиной. Но Грим напрасно призывал своего трубача: Рагне в трех шагах от него лежал на темной земле, одна из первых стрел пробила ему грудь. Рог выпал из рук и укатился вниз по склону.

Опытные киевские варяги быстро выстроились клином. Острие его было обращено по склону вниз, к лодьям, наперерез мчащейся лавой коннице. Грим оказался пятым во втором ряду. Его телохранители — только трое, еще двое пропали неведь куда — сначала были рядом, один — в ряду впереди. Когда на клин налетели конные, этот передний, Сальсе, запнулся и пропал. Теперь Грим оказался в первом ряду. Рубанул по светлому пятну шаровар какого-то всадника, потом еще раз — по чьей-то лошади. А потом на голову обрушился удар — да такой, что звезды брызнули из глаз, а сарацинский шлем с высоким куполом сорвало и отбросило прочь.

В голове гудело, перед глазами плясали пятна. Грима пошатывало, но он, прикрыв голову щитом, упорно шел вперед. Мало что видя, клинком работал больше наудачу. Сколько он себя помнил, в нем, наследнике киевского князя, воспитывали отвагу и упорство, а два походных лета дали ему опыт. Русь не сдастся, и ни в каком самом тяжелом положении русам даже в голову не приходит прекратить сопротивление. Славная смерть лучше бесславной жизни.

Всадник на вздыбившемся коне возник перед Гримом как из ниоткуда. Копыта мелькнули в воздухе и пали на стоявшего левее — Грим лишь смутно помнил, что там должен быть еще один его телохранитель, Оддгер. Топор обрушился на Гримов щит, врубился в кромку и завяз; Грим шагнул вперед и колющим, будто копьем, ударил врага снизу вверх, под панцирь. Надавил и выдернул меч.

Клин ближней дружины ударил слаженно. На каждом шагу теряя людей, тем не менее он разорвал конный строй арсиев — кого порубили, кого просто оттеснили.

Под ногами захлюпала вода. Пробились! В десяти шагах уже темнели лодьи на блестящей под звездами водной глади. От водного зеркала здесь было светлее.

Думая, что враг отбит, уцелевшие ратники побежали к лодьям. Лезли на борта, хватали весла, упирались ими в дно и отталкивались. Еще немного, еще несколько мгновений удачи — и они отойдут от берега на глубину, тронутся вверх по течению и станут недостижимы для конницы хакан-бека. Но конница лишь разошлась на две половины, а вовсе не была разбита. Газир-бек и арсии тоже понимали: эти мгновения дают им последний случай достичь цели, и не собирались отступать.

Чуть откатившись в темноте назад, отсеченная Гримовым клином часть конницы развернулась и вновь ударила. Теперь натиск на киян шел с двух сторон, железная пасть захлопнулась. Русов рубили на песке, арсии гнали коней в неглубокую воду, обходя лодьи со стороны реки, рубили и тех, кто искал спасения на судах.

По колено в воде, Грим и еще несколько человек спешили к лодье. Знаменосец нашелся и догнал молодого князя, Рагне с его рогом так и не появился. Двое тащили на плечах раненого Оддгера.

Лодья была совсем рядом, только руку протяни, но в этот миг отогнанные были арсии вернулись. Они неслись на Грима, вздымая тучи брызг, слева, но и справа раздавался шум сражения. И днем-то арсии хакан-бека, в кольчугах и пластинчатых панцирях, с наручами и поножами, в высоких шлемах и круговых бармицах, скрывающих лица, казались железными великанами, а теперь, при холодном свете звезд, выглядели как смертоносные посланцы самого Кошея.

Грим сразу понял, что не успеет добраться. Увернулся от первого всадника, отведя клинок изрубленным щитом, ударил куда-то в ответ — попал в мягкое. На мгновение клинок завяз, Грима развернуло вслед за проносящейся мимо лошадью. И в тот же миг наконечник пики разогнавшегося на скаку арсия ударил в левый бок, пробил доспех и вошел под ребра. Приподнял и обломился, не выдержав удара и веса тела. Грим рухнул, захлебываясь водой и собственной кровью.

Одна обрывочная мысль мелькнула у него перед тем, как сознание погасло. Никто — все те, кто ему близок, Ульвхильд,

Олав, Сванхейд в Хольмгарде, Хельги и сестры в Киеве — никогда не узнают, что он пал сражаясь. Никто сейчас его не видит, эта тьма и вода поглотят даже его посмертную славу.

Тело в кольчуге сразу опустилось на дно и покатило под уклон. Даже те из своих, кто окружал Грима сейчас, не заметили смерти вождя — каждому в глаза смотрела его собственная смерть.

Арсии окружили остатки русов на прибрежном плесе, теснили к воде, прижимали к лодьям, рубили и кололи. Один за другим русы отступали, отбиваясь, падали. Пока не смолк последний крик, не отзвучал последний удар.

А лодьи прочих дружин, кому так и не был послан призыв о помощи, уходили все дальше вверх по широкому ночному Итилю, и звуки угасающей битвы таяли во тьме над водой, не достигая их...

Глава 1

Мать Арнэйд, Финна, порой говорила: мы живем на самом краю света, отсюда уже тот свет видать. Сама она родилась очень далеко от Мерямаа, почти на берегу Варяжского моря, а сюда переехала, когда шестнадцати лет вышла замуж за Дага. Даг, тогда молодой разговорчивый парень, еще не хромавший, отправился однажды с зимним обозом в Альдейгью за кузнечным товаром. Когда он весной, уже по воде, уезжал, на ларе с топорами, копьями и наральниками сидела дочь кузнеца-свея. Своей дочери Финна рассказывала, как поначалу боялась ходить в лес вокруг Силверволла: она знала, что приехала в самый конец Мидгарда, где всякие страшилища поджидают прямо под первыми деревьями опушки. Поэтому и Арнэйд говорила, что тоже боится. Ее братья — Арнор был на два года старше ее, а Вигнир на год младше, — наоборот, очень хотели увидеть ётунов — на языке мере их называли ёлсами — и нарочно выискивали их в лесу, держа наготове луки и сулицы. Почти каждый раз они наперебой рассказывали, вернувшись домой, что видели во-о-от такое чудище, и стреляли в него, и ранили, и оно убежало с воем, а они гнались за ним по следам синей крови и уже почти настигли... Но принести домой ётунову шкуру им так ни разу и не удалось. Мать успокаивала Арнэйда: они все врут, пугают тебя.

Когда Арнэйд было десять, мать умерла. Оставшись вдовцом с тремя детьми, Даг в то же лето женился на Ошалче — девушке из хорошего местного рода, Юксо-ерге. Так поступали уже многие из его предков, и род их хоть и считался рус-

ским, на самом деле имел в жилах немало меренской крови. Разнородное наследие сказалось на внешности Арнэйд: она получила продолговатое лицо с высоким широким лбом, как у деда-свея, а от ладожской бабки-словенки ей достался курносый нос, у которого будто сидел мягкий шарик на конце, что смягчало резкость твердых высоких скул ее меренских бабок. Хорошо, что у нее не было большого досуга разглядывать себя в умывальной лохани, иначе она сказала бы, что все это ни с чем не сообразно. Но что девушка может понимать в собственной красоте? Черты ее сливались в нечто своеобразное, но ладное, и особенно освещали это лицо ярко-голубые глаза.

Молодая ее мачеха, Ошалче, состояла в родстве с меренской княгиней — покшавой Кастан, и, прямо сказать, эта женитьба более подходила к положению Дага, чем его первый скоропалительный брак с дочерью кузнеца из заморья. Мачеха — она была старше Арнэйд на девять лет — не давала падчерице сидеть без дела и все лето посылала собирать ягоды, грибы, травы. В десять лет Арнэйд уже привыкла возглавлять целую ватагу русских и меренских детишек еще младше. Детские страхи позабылись. Мать сменилась мачехой, у мачехи что ни год появлялось по ребенку, на растущую Арнэйд навалились заботы о четверых сводных братьях и сестрах (не считая тех троих, что умерли младенцами), да и обшивать родных ее братьев тоже приходилось ей.

В ожидании своей двадцать первой зимы Арнэйд чувствовала себя взрослой, опытной в хозяйстве женщиной: десять лет младенцев пеленала. Когда водила в лес младших, сама пугала их:

— Смотрите, чтобы вас ёлсы не унесли! Я видела одного за корягой — он во-от такой огромный и страшный, только и ждет, когда вкусный изи пойга¹ отстанет от старшей сестры и попадет ему в зубы!

Сегодня братишки ушли с рыбаками, в лес с Арнэйд увязались только сводные сестры — Сулай и Савикай. Был тихий, пасмурный, но теплый день в конце лета, когда самые робкие березы уже выпустили желтые пряди, но весь лес еще стоит зеленым. С утра висел густой туман, и тенетник среди высо-

---

¹ Изи пойга — маленький мальчик (мерянск.). Здесь и далее прим. авт.

ких пожелтевших стеблей травы, покрытый меленькими капельками, стал будто посеребранный. Может, от этого место и называется Силверволл — Серебряные Поля, — подумала Арнэйд, а вовсе не от какого-то там клада из трех тысяч шелягов, зарытого сто лет назад старым Торроддом. Арнэйд и сама вся вымокла в росе, пока пробиралась через поляны, влажный мелкий сор прилип к подолу ее платья из некрашеной серой шерсти. Две малявки семенили за ней и без умолку болтали.

— Аркей, из чего сделана луна? — спрашивала младшая, Савикай.

Мать Финны была славянкой, и сама Финна с детства говорила по-славянски, как большинство населения Альдейгьи-Ладоги. Но в Мерямаа славян нет, и Арнэйд знала из языка своей бабушки лишь несколько слов. Зато она с рождения говорила на северном языке и по-меренски одинаково хорошо. С Ошалче Даг объяснялся по-меренски, и ее дети северной речи почти не знали. Старшую сестру они называли Аркей, что означает просто «большая», и не раз уже Арнэйд слышала, что и Даг повторял за детьми.

— Из сыра, — без раздумий отвечала Арнэйд. — Она белая и круглая. А порой убывает, когда от сыра отгрызают кусочки.

— Кто отгрызает?

— Небесная мышь.

— Разве на небе есть мыши? — недоверчиво фыркнула девятилетняя Сулай и засмеялась.

— Есть. Иначе кто бы каждый месяц сгрызал головку сыра?

— А как же она опять делается целой?

— Растет, конечно. Разве непонятно?

— Вот бы и у нас сыр вырастал обратно сам по себе! Тогда мы всегда были бы сыты!

— Вы и сейчас не голодаете. Но непременно умрете с голоду, если будете вечно болтать, а не дело делать, — строго сказала Арнэйд.

— Но если луна сделана из сыра, то как же девушка с ведрами попала туда? — воскликнула Сулай. — Я знаю, матушка нам рассказывала: одна девушка пошла ночью за водой, а Мать Луны..

— Вот это что? — Прервав ее, Арнэйд указала на стайку из трех-четырех молодых грибов-красноголовиков, нагло си-

девших на видном месте среди мелкой травки и мха. — Они даже не прячутся, а вы не видите! Вы кому это оставляете — ёлсам?

Девчонки взвизгнули и наперегонки бросились хватать грибы. Арнэйд отвернулась от них, сделала несколько шагов... и увидела среди еловых лап огромного ёлса.

Накликала...

Арнэйд встретила с ним глазами и застыла, разом одевшись. Даже разглядеть его толком она не могла, не в силах отвести взора от его глаз. Ростом с быка, тело покрыто перьями в желто-бурую крапину, как у кречета... Пристальный, пронзительный, жадный взгляд пронзил ее холодным клинком, обездвижил, не оставил внутри ничего, кроме ужаса и чувства беспомощности. Напрасно она считала, что ёлсы и ётуны живут где-то в своем далеком Утгарде и ей на пути не попадутся никогда. Они здесь. И все время, надо думать, были здесь. А сегодня настал тот день, когда она им понадобилась...

Ёлс пошевелился, двинул рукой, собираясь ее схватить. Арнэйд очнулась и без единого звука метнулась в сторону. Краем глаза она заметила, что ёлс рванул за ней, и припустила со всех ног; без тропы она неслась через лес, довольно редкий в этих местах, слышала позади себя топот, шум веток, вроде бы рычание и невнятные выкрики. Лукошко она бросила, подол подхватила выше колен и мчалась, скользя по влажной листве и едва успевая отводить ветки, чтобы не хлестали по глазам. Не оглядывалась, чтобы не терять на это времени, и дух занимался от жуткого чувства, что погоня близко, что вот-вот ее схватят... Она неслась изо всех сил, подгоняемая верой жертвы, что, если бежать еще чуть-чуть быстрее, можно оторваться и вынудить хищника потерять тебя из вида.

Где-то сбоку раздавались свист, крики, шум ветвей и треск сучьев. Судя по звукам, теперь за нею гнались несколько ёлсов: перекликались на ходу, рычали, выли и ревели. Вой разносился по лесу. Искать спасения было негде — до дома далеко, жилья рядом нет, звать на помощь некого. Арнэйд бежала, как лань, уже и не видя впереди никакого избавления, но ее гнала известная дичи жажда — ценой напряжения всех сил прожить на несколько мгновений дольше...

Ручей! Впереди блеснула рыже-бурая вода на влажном черноватом торфе. Арнэйд вылетела на берег одного из мно-

жества безымянных черных ручейков, усеянный первыми желтыми листьями. Может, текучая вода их задержит? С разбега Арнэйд ворвалась в ручей, даже не замечая, как холодная вода заливает поршни и чулки. Шириной он был всего шага два, и она мигом оказалась на той стороне, но дальний берег был крутым, хоть и невысоким. Пытаясь одним шагом на него вскочить, Арнэйд запнулась о подол платья, мокрая подошва соскользнула с кручи, и она упала.

Лежа лицом в землю, чувствуя, как вода полощет ей ноги, Арнэйд и хотела бы встать, но не могла — за время этого безумного бега она осталась без сил. Грудь разрывало, в боку колело, в ушах будто в бубен кто-то бил. Со свистом втягивая воздух ртом, она зажмурилась и успела подумать: может, ей все это померещилось?

Но хвост этой мысли еще не успел мелькнуть перед внутренним взором, как кто-то с шумом протопал по воде позади Арнэйд, чье-то увесистое тело рухнуло на мокрый песок рядом с ней, чьи-то мощные лапищи схватили ее за плечи.

— Да стой.. ты.. ётуна мать! — прохрипел грубый голос: ее преследователь тоже задыхался.

Потом ее приподняли и перевернули. Арнэйд зажмурилась, не в силах смотреть в лицо гибели.

Раздался изумленный возглас.

— А.. Арнэйд? — услышала она свое имя, произнесенное с такой неуверенностью, что страх почти пропал.

Ее подняли и посадили, прислонив спиной к низкому обрыву. В спину впился корень, одежда промокла почти до пояса. Арнэйд встряхнули, будто хотели разбудить. И тогда она заставила себя открыть глаза.

Это был тот самый ёлс: он сидел на мокрой земле и держал ее за плечи, хотя убежать она уж точно не могла. Вблизи он оказался не так огромен, как ей померещилось в первый миг, и даже почти походил на человека. И все же это не мог быть человек: облик его казался Арнэйд знакомым, но совершенно чуждым, а значит, был украден из ее мыслей.

— Арнэйд! — уже почти уверенно повторил ёлс. — Это ты или фюльгья моя? Как ты здесь оказалась? Какие шайтаны тебя сюда занесли?

Он говорит по-человечески. В потрясении Арнэйд не осознала толком, что слышит «северный язык», в этих края назы-